

С. М. Куделко

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ ИСТОРИКА –
ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЖАНРОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ
ИСТОРИОГРАФИИ: ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ**

В статье анализируются автобиографические тексты историков как важный историографический источник. В качестве объекта анализа избраны автобиографические работы представителей «харьковской школы историков». Прежде всего, уделено внимание автобиографическим воспоминаниям Д. И. Багалея и И. К. Рыбалки. Делается вывод о том, что автобиографии историков являются специфическим маркером историзма в современной науке.

Ключевые слова: автобиография, историография, харьковская школа историков.

Из редкого жанра, который находился на обочине магистральных путей развития творчества историков, автобиографические сюжеты в конце XX – начале XXI вв. превратились в весьма значимые, стали занимать одно из центральных мест в творчестве исследователей прошлого. В этом факте сказывается не только рост числа профессиональных (прежде всего, вузовских) историков, которых, например, в Харькове в XIX веке насчитывалось единицы, в первой половине XX века – десятки, а в наше время это уже сотни имен. Антропологический поворот в науке актуализировал интерес к субъекту, к личности создателя исторических трудов. Эпоха затребовала информацию, посвященную анализу творческой лаборатории ученого, выдвинула на авансцену проблемы психобиографистики [4]. Вошли в моду различные «диалоги» и «монологи» с историей и историками.

В данном случае воспользуемся для примера автобиографическими текстами харьковских историков. При всей

условности понятия «харьковская школа историков», его можно принять для обозначения механической совокупности ученых, живших в разное время, принадлежавших к разным направлениям, но объединенных местом их творчества – Харьковом. На наш взгляд, это понятие имеет право на существование¹. Однако даже такая относительная (географическая) классификация представителей нашей науки позволяет увидеть некоторые черты и тенденции жанра автобиографии, над которыми можно поразмыслить.

В дореволюционное время автобиографии не были редкостью. Не рассматривая автобиографические записки и воспоминания конкретных дореволюционных историков (Н. И. Костомарова, П. И. Вейнберга, Н. Ф. Сумцова, В. П. Бузескула, А. С. Вязигина, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и других [См.: 13]), которые уже не раз и всесторонне были проанализированы в литературе, сосредоточим наше внимание на советском и постсоветском периодах развития «харьковской школы историков».

В советскую эпоху историки относительно редко обращались к автобиографиям. Само общество, устремленное в будущее, достаточно поздно стало «оглядываться в свое прошлое» и подытоживать пройденный путь.

Рубежи досоветского и советского, советского и постсоветского периодов актуализировали проблему оправдания (самооправдания) своей позиции для тех историков, жизнь которых оказалась на разломе эпох.

Среди первых таких автобиографий должны быть названы воспоминания академика Д. И. Багалей (1857–1932) [1]. Дмитрий Иванович занимает промежуточное место между дореволюционной и советской исторической наукой. Конечно же, он большей частью своего творчества относится к дореволюционному периоду. К историографии Д. И. Багалей обратился в зрелом возрасте, и эта наука не была главной в обширном творческом наследии «летописца Слобожанщины» (более 500 опубликованных работ) [5, с. 21]. Автобиографическая повесть Дмитрия Ивановича, увидевшая свет в советскую эпоху, содержит немало информации (фактов, раздумий, выводов) относительно путей развития исторической науки,

¹ Подобные определения часто встречаются в литературе: «Днепропетровская школа историков» (Д. В. Веденеев и др.), «Краковская школа историков» (Е. Г. Синкевич и др.).

характеристики ее видных представителей. Этот труд уже не раз анализировался в литературе и по оценке современных специалистов должен быть отнесен к числу вершин его творчества [7].

Воспоминания Дмитрия Ивановича написаны в духе дневников В. О. Ключевского и мемуарных произведений других представителей российского позитивизма. Автобиография Д. И. Багалея перебрасывает мост между дореволюционной и советской исторической наукой. Это делает воспоминания Дмитрия Ивановича чрезвычайно ценными, т. к. они помогают сохранить преемственность в отечественной исторической науке и показать взаимосвязь эпох. Однако, в итоге, те историки, которые остались верны своим прежним теоретико-методологическим воззрениям с недоверием отнеслись к Багалею-«марксисту» [8, с. 9–56 и др.], а новая генерация советских историков смотрела на него как на скрытого проводника старых буржуазных идей. В одной из методологических работ позднего советского периода Д. И. Багалея был даже причислен к «дворянской историографии»! [6, с. 12].

История первой четверти XX столетия повторилась в конце этого века. Преподававший долгие годы историю и историографию истории Украины в Харьковском университете и автор вузовских программ по этим дисциплинам проф. И. К. Рыбалка (1919–2002) оставил воспоминания «Така наша доля. Сторінки життя мого покоління» (Х., 1999). Вышедшая в серии «Спогади вчених Харківського державного університету», книга содержит информацию о развитии исторической науки в стенах Харьковского университета почти за полвека [11]. Будучи историком (не историографом) по основной форме своих занятий, создателем и главой школы харьковских историков-аграриев, И. К. Рыбалка сосредоточил свое внимание не столько на развитии исторической науки, сколько на истории страны, своего поколения. Как и Д. И. Багалея, И. К. Рыбалка стал автором специальных историографических исследований уже в конце жизненного пути: «Изучение Октября на Харьковщине» (1987), «Вивчення історії громадянської війни 1917–1918 рр. на Україні: стан і перспективи» (1995), «Про оцінку спадщини істориків України радянської доби» (1996). Собственно о достижениях своих и коллег автор сообщает сухо, не касаясь содержательной части их трудов. Весьма показательно, что читая курс историографии, автор в своих воспоминаниях никак не выделяет ее в рамках исторической науки.

Лейтмотив воспоминаний Ивана Климентьевича – попытка связать советскую эпоху с постсоветским периодом. Как тут не вспомнить разговор с И. К. Рыбалкой во время острой общественной дискуссии начала 90-х гг. по поводу того каким должен быть флаг независимой Украины. Он считал, что к сине-желтому флагу, под которым выступала значительная часть сторонников государственной независимости, нужно было добавить красную полосу, чтобы объединить под этим флагом и приверженцев идей социализма и коммунизма. Так, научный «внук» Д. И. Багалей (И. К. Рыбалка был аспирантом С. М. Королевского (1904–1976), а тот, в свою очередь, аспирантом у Д. И. Багалей), оказался в таком же положении, как и в свое время Дмитрий Иванович. Свои воспоминания Рыбалка опубликовал через 8 лет после 1991 года, а Багалей через 7 лет после окончания Гражданской войны.

Отделенные расстоянием в 70 лет автобиографии Д. И. Багалей и И. К. Рыбалки удивительным образом совпадают в некоторых ключевых моментах. Речь идет не только об объемах этих произведений, они почти одинаковы, но о содержательной их части.

Д. И. Багалей уверяет читателей в том, что «Праця над історією різних харківських установ, яку я доводив постійно до новітніх часів, підводила мене звичайно до безпосередньої керівничої роботи в них. Так було в університеті, міському самоврядуванні тощо» [1]. И. К. Рыбалка вспоминал: «[А. Д. Скаба] запропонував мені стати відповідальним редактором «Соціалістичної Харківщини». Я просив його залишити мене в ХДУ Він же мовив: тобі дали можливість вийти в кандидати наук і доценти, а тепер попрацюй там, де треба суспільству» [11, с. 102]. Свое активное участие в общественно-политической жизни предшествующего исторического периода авторы связывают с экстермальными (И. К. Рыбалка), или интернальными (Д. И. Багалей) факторами. Впрочем, и в новых социально-политических условиях оба ученых нашли себе заслуженное и респектабельное место: Д. И. Багалей стал руководителем Центрального архивного управления УССР, директором Института украинской культуры (который и носил его имя с 1930 года), директором НИИ Тараса Шевченко, а И. К. Рыбалка сохранил свое стабильное положение в университете, где он, лауреат Государственной премии УССР, был не только заслуженным профессором, заслуженным деятелем науки и техники Украины,

но и уже в постсоветское время был избран вице-президентом Украинской академии исторических наук.

В своей автобиографии Д. И. Багaley писал: «Я сам під цей час ступив на новий шлях у розумінні і викладанні українського історичного процесу, надавши йому нового освітлення, якого трималася здебільшого і моя аудиторія» [1, с. 191]. И. К. Рыбалка, в свою очередь, отмечал: «Разом з іншими істориками я включився у вироблення нового бачення на нашу історію» [11, с. 176].

Д. И. Багaley пишет о том, что «Не досить подати матеріалістичне пояснення тому чи іншому історичному явищу – треба ще одкинути перестаріле – скажімо, ідеалістичне і то маючи доводи, а не голослівно – і натомість поставити матеріалістичне, щоб його могли свідомо, а не догматично засвоїти слухачі або читачі» [1, с. 191–192]. И. К. Рыбалка утверждает, что «...із початком розбудови Української незалежної держави, постала нагальна потреба переоцінки багатьох подій, фактів, явищ, діячів минулого України, усунення застарілих стереотипів і міфів, перегляду концепцій всього історичного процесу» [11, с. 176]. «Частина істориків, – пише он, – зокрема колишніх істориків партії, а також колишніх і нинішніх комуністів, ветеранів Великої Вітчизняної війни, заангажованих політичними амбіціями заkostenіло дотримуються старих компартійних поглядів та оцінок історичних явищ і заперечують необхідність перегляду оцінок минулого, зокрема радянського періоду» [11, с. 177].

Оба мемуариста с большой теплотой вспоминают свои студенческие годы и отмечают высокий уровень преподавания. Д. И. Багaley подсчитал, что «...на 14 викладачів було 9 більш-менш видатних; п'ятеро з них мали всеросійське, слов'янське, ба навіть європейське ім'я. Отож склад професорів на історично-філологічному факультеті за моїх часів був більш ніж на половину дуже путящий» [1, с. 74]. И. К. Рыбалка при описании своих преподавателей использует такие характеристики: «читав ефектно», «ґрунтовно викладав», «цікаво читала», «великий інтерес викликали лекції», «як чудову суцільну казку ми слухали лекції» и т. д. [11, с. 18].

Впрочем, между этими авторами есть и различия. Если Д. И. Багaley невысокого мнения о дореволюционных студентах и с восторгом пишет о новом советском студенчестве, то И. К. Рыбалка, наоборот, недоволен современной молодежью. Дмитрий Иванович отмечает: «для частини молоді давніх часів вища школа була, так

мовити, традицією, а для сучасного студента – це могутній засіб і для його розвитку, і для відповідальної кваліфікованої праці серед суспільства», «особливо захоплювала мене праця з теперішніми студентами-інівціями на семінарах з історії України» [1, с. 193]. И. К. Рыбалка же, полагает: «з болем доводиться спостерігати, що останніми роками знижується, особливо серед молоді, моральність, зростає в суспільстві духовна ерозія» и т. п. [11, с. 196].

Маргинальное положение автобиографических работ в советское время проявляется в том, что даже ведущие университетские историографы (призванные заниматься саморефлексией) В. И. Астахов (1922–1972), И. Л. Шерман (1911/1912–1989), Ю. И. Журавский (1937–1991) своих развернутых автобиографий не оставили. Их автобиографические заметки – личные листы по учету кадров, краткие автобиографии, элементы предисловий к работам. Впрочем, и эти фрагментарные документы дают возможность уловить то, что мы бы назвали «историографическим стилем мышления»: информацию о своих научных занятиях, в них проявляется интерес к характеристике всего того, что было наработано в избранной области [14]. Возможно, это произошло потому, что В. И. Астахов и Ю. И. Журавский прожили мало лет: первый – 50, а второй – 53 года, а И. Л. Шерман не был склонен к данному жанру. Более продуктивным в автобиографическом плане оказался, например, археолог Б. А. Шрамко (1921–2012), который долгие годы вел дневник. Рукописные материалы историка лишь частично опубликованы, а другие хранятся в Государственном архиве Харьковской области.

Куда плодovitее, в силу разных причин, оказались выходцы из харьковской университетской школы историков, оказавшиеся, волею судеб, разбросанными по планете. Свои записки (или их фрагменты) автобиографического характера опубликовали Л. М. Баткин (РФ), А. М. Лесков (США), Г. И. Чернявский (США) и другие [см., например, 2, с. 190–198].

Современное поколение харьковских историков уже значительно больше уделяет внимания автобиографиям, как особому историографическому жанру.

В конце XX столетия увидели свет сборники, изданные в честь харьковских историков. В них нашли отражение многие события автобиографического характера. Эти сборники были посвящены

В. И. Астахову, Ю. А. Голубкину, Ю. И. Журавскому, Б. П. Зайцеву, В. И. Кадееву, В. А. Латышевой (Устиновой), В. Ф. Мещерякову, Б. К. Мигалю, В. К. Михееву, Б. А. Шрамко, А. И. Эпштейну [12]. Кроме этого, вышли в свет развернутые статьи с широким использованием в них автобиографических материалов, посвященные Л. П. Калуцкой, А. П. Ковалевскому, С. М. Короливскому, А. Е. Кучеру, А. И. Митряеву, Г. Н. Попову, С. И. Сидельникову, Е. П. Тамму и другим [10, с. 168–170]. Многие из таких работ были опубликованы в «Харківському історіографічному збірнику» [9, с. 218–229 и др.].

К уже хорошо известным причинам создания автобиографий (бюрократического и другого формального характера), природным склонностям, которые коррелируют с таким свойством личности как демонстративность (внешняя и внутренняя), добавились другие. Среди них мы отметим следующие: углубление историзма, который в данном случае распространяется не только на сферу непосредственных интересов ученого, но и на его внутреннюю жизнь, саморефлексию. Важным фактором также является ускорение исторического развития с необходимым при этом приспособлением исследователя к быстро меняющейся социально-политической ситуации и связанной с этим морально-нравственной обстановкой. Постоянная потребность в самооправдании, разъяснении своей прежней позиции, уточнении различных обстоятельств своего творчества – дополнительные факторы создания подобных трудов. И, наконец, следует учесть, что автобиография – мощное оружие в борьбе с оппонентами, в продвижении своих идей и концепций в научном сообществе.

Автобиографии историков в значительной мере гармонизируют историографическое знание, т. к. позволяют более-менее адекватно заполнить возникающие лакуны при характеристике научных споров, в понимании сути идейных разногласий, уточнении обстоятельств смены идейных ориентиров, переходе исследователей на новые точки зрения, отказе от изживших себя схем и т. д. Благодаря автобиографическим запискам не только конкретизируются детали, но и формируется историографический стиль мышления, который является ничем иным, как новым уровнем историзма. Сегодня принципиально нельзя рассматривать научный труд в отрыве от его создателя. Такое состояние – отнюдь не уступка субъективистским доктринам, а новое качество объективности.

Возникшая как служебная отрасль исторической науки, мало отличавшаяся от библиографии, историография превратилась в одно из центральных звеньев всего исторического знания. Сама эта наука имеет сложную структуру, каждый элемент которой выполняет свои функциональные задачи. Определенную историографическую роль играют и автобиографии, которые в самые последние годы заметно «помолодели» (свою развернутую автобиографию Д. И. Багaley написал в 70 лет, а свои воспоминания И. К. Рыбалка, автор более 200 публикаций, создал в 80 лет).

Увлечение в современной исторической науке автобиографическим жанром позволило увидеть то, что раньше было скрыто от глаз общественности. Стало очевидным, что труды историков следует рассматривать сквозь призму их биографий. При этом автобиографии имеют особую ценность, т. к. ближе всего находятся к «первоисточнику» – создателю научных трудов. В силу множества обстоятельств (цензурных, этических и т. д.), труды историков не донесли до нас многое из мыслей их авторов. Автобиографии еще раз красноречиво свидетельствуют в пользу той истины, что люди, во многих случаях, говорят одно, делают другое, а думают – третье.

Беглый обзор автобиографических текстов историков показывает две, направленные на сближение друг с другом, тенденции. Первая – стремление историков преодолеть позитивистский и марксистский дискурсы, связанные с осознанным дистанцированием от своих научных выводов. Вторая тенденция – углублением историзма, который требует как можно более полного раскрытия автором своей научной лаборатории и обстоятельств творчества.

1. *Багалій Д. І.* Вибрані праці : у 6 т. – Т. 1 : Автобіографія. Ювілейні матеріали. Бібліографія/ НАН України. Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського (Харк. філ.); ХГП «НУА»; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна ; упорядкув., вступ, ст., комент. В. В. Кравченка ; редкол. : В. В. Кравченко (голов. ред.) та ін. – Х., 1999.
2. *Баткин Л. М.* Начинаящий медиевист из провинции – в гостях у Люблинских // *Одиссей: Человек в истории.* – М., 1998; *Лесков А. М.* Из воспоминаний: начало // *Харківський історіографічний збірник.* – Х., 2013. – Вип. 12.
3. *Богдашина О. М.* Слобідський літописець історії України Д. І. Багалій // *УІЖ.* – 2008. – Вип. 1 (№478). – С. 88–112.
4. *Ващенко В. В.* Від самопрезентації до методології: психобіоісторіографічний вимір простору історіописання М. Грушевського. – Дніпропетровськ, 2007.
5. *Історики Харківського університету: біобібліографічний довідник (1905–2013 рр.)* / уклад. О. М. Богдашина, В. І. Бутенко, С. Р. Марченко [та ін.]; відп. ред. проф. С. І. Посохов. – Х., 2013.
6. *Комиссарова Л. И.* У истоков марксистской исторической мысли в России. – М., 1986.
7. *Кравченко В. В.* Д. И. Багалей: научная и общественно-политическая деятельность. – Х., 1990.
8. *Кравченко В. В.* Д. І. Багалій в світлі й тіні своєї «Автобіографії» / В. В. Кравченко // *Вибрані праці : у 6 т.* – Х., 1999. – Т. 1.
9. *Литвиненко М. А.* Мої університети // *Харківський історіографічний збірник. Проблеми періодизації історії та історіографічного процесу.* – Х., 2002. – Вип. 5; *Зайцев Б. П.* Незабываемое // *Харківський історіографічний збірник. Проблеми теорії та методології.* – Х., 2008. – Вип. 9.
10. *Митряев А. И.* К 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Украины Андрея Петровича Ковалевского // *Древности 1995 : Харьк. ист.-археол. ежегодник.* – Х., 1995; *Історичний факультет: від покоління до покоління* / [укл. В. М. Духопельников, С. М. Куделко]. – Х., 2004. – [Воспоминания Е. П. Пугача, Г. И. Чернявского, А. А. Чувшило о С. И. Сидельникове] и др.
11. *Рибалка І. К.* Така наша доля: Сторінки життя мого покоління. – Х., 1999.

12. *Страницы из жизни Учителя: (В. И. Астахов в исследованиях и воспоминаниях) / [сост. В. И. Астахова, Е. В. Астахова, Б. П. Зайцев и др.]. – Х., 2002; Голубкин Юрий Алексеевич. Исследования о Мартине Лютере : статьи и воспоминания / сост. А. Н. Токарев, С. А. Кариков ; отв. ред. С. Б. Сорочан. – Х., 2011; Владимир Иванович Кадеев. Воспоминания. – Х., 2013.*
13. *Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців : у 2 т. / укл. : Б. П. Зайцев, В. Ю. Іващенко. В. І. Кадеєв, С. М. Куделко, Б. К. Мигаль, С. І. Посохов ; вступ. стаття В. Ю. Іващенко : наук. ред. : С. І. Посохов. – Х., 2010 и др.*
14. *Юрій Йосипович Журавський : спогади, документи, матеріали / [уклад. Б. П. Зайцев та ін.; відп. ред. С. І. Посохов]. – Х., 2008.*

Куделко С. М. Автобіографічні тексти історика – значущий елемент жанрового розмаїття історіографії: нотатки до теми

У статті аналізуються автобіографічні тексти істориків як важливе історіографічне джерело. В якості об'єкту аналізу обрані автобіографічні роботи представників «харківської школи істориків». Насамперед, приділено увагу автобіографічним спогадами Д. І. Багалія та І. К. Рибалки. Робиться висновок про те, що автобіографії істориків є специфічним маркером історизму в сучасній науці.

Ключові слова: автобіографія, історіографія, харківська школа істориків.

Kudelko S. M. A historian's autobiographical notes as an important element of historiography's genre variety: topic notes

The work is dedicated to the analysis of autobiographical notes of historians as an important historiographical source. The autobiographical materials of representatives of «Kharkov school of historians» have been chosen as the object of research. First of all attention is devoted to the autobiographical memoirs of Bagaley D. I. and Rybalka I. K. The author concludes that historians' autobiographies are the specific feature of historicism in the contemporary science.

Keywords: autobiography, historiography, the Kharkov school of historians.